

БРЕМЯ СТРАСТЕЙ

Т. Реттиган. Глубокое синее море. Спектакль Московского областного театра драмы. Режиссер-постановщик Р. Витнюк. Художник А. Домштейн.

Это одна из новейших работ Московского областного театра драмы. В Одессе наши гости продолжили серию премьерных спектаклей по пьесе современного английского драматурга Теренса Реттигана. Дух премьеры еще живет в спектакле и ощущается прежде всего во взаимопонимании и чрезвычайной собранности исполнителей. Он ощущается даже в нестандартных финальных поклонах, когда грустная музыка как будто не дает каждому актеру «выйти из образа», а благодарный зрительный зал долго, непривычно (по летнему времени) долго аплодирует.

Впрочем, благодарность взволнованных зрителей вызвана не только премьерным характером спектакля. Многие театралы истосковались по добротной психологической драматургии, где предметом художественного анализа оказывается личностная драма героев, мир их интимных чувств. «Глубокое синее море» — пьеса такого рода. Понять ее — дело нехитрое. В чем причина личной трагедии Хестер Коллер, благословитанной дочери священника, одаренной художницы, супруги уважаемого юриста, увлекшейся спящим человеком без оп-

ределенных занятий Фредди Пейджем и в угоду чувству ломающей всю свою жизнь? Да в том самом «бремени страстей человеческих», когда бесильны здравый смысл, нравственные запреты, увещевания друзей.

Воссоздавая тонкие психологические коллизии личной трагедии, любой театр рискует «пережать», власть в аффектацию, а значит и сфальшивить. К чести наших гостей, сразу скажем, что в их спектакле нет фальши, он отмечен высокой мерой искренности. В этом видится немалая заслуга постановщика Р. Витнюка и большинства исполнителей.

Режиссеру удалось создать на сцене обстановку нервной напряженности, обойдаться при этом без всякой экзальтации. Даже в кульминационные моменты исполнительница главной трагической роли С. Пархомчик и ее партнеры обходятся без крика, надрыва, патетики. Может быть, именно поэтому, благодаря доминирующей в постановке сдержанности, нервный драматизм сценического действия передается зрительному залу, верящему в подлинность личной драмы героини.

Трагическая история Хестер предстает перед нами в контексте целого ряда драматических судеб. Бывший летчик, а теперь пьяница и игрок Фредди Пейдж (арт. В. Клементьев), лишенный права заниматься любимым делом доктор Миллер (эту роль очень выразительно играет артист В. Симонов), прикованная к больному мужу домовладелица миссис Элтон (А. Никулина), преуспевающий судья, но глубоко несчастный в своей личной судьбе сэр Уильям Коллер (арт. М. Рогов). В жизни каждого из этих персонажей есть своя драма, в той или иной ме-

ре перекликающаяся с драмой главной героини.

В воссоздании печального колорита событий, происходящих на сцене, постановщик Р. Витнюк обнаружил столь необходимое в обращении с психологической драмой чувство меры. Ведь в истории Хестер, вырвавшейся из привычного кружения, изменившей своему прежнему образу жизни ради любви и не встретившей желанного отклика у любимого человека, немало тривиального. Стоит переоценить героиню, придать ее судьбе излишнюю многозначительность, как эта тривиаль-

ность проявится и более того — будет бросаться в глаза. Нет, в спектакле москвичей мера соблюдена, и потому даже в тривиальной истории отыскивается нечто индивидуальное, неповторимое.

Эта особенность постановки проявляется, например, в умении вести диалог в той его части, где подтекст оказывается не менее значимым, чем сами слова. Антеры справляются с нелегкой задачей, не перегружая свои реплики ложной многозначительностью, ненужными паузами, призванными подчеркнуть какой-то глубинный, еще неоцененный смысл. Стоило им пойти по такому пути, и эффект был бы обратным желаемому. И уподобились бы они одному из персонажей пьесы Филиппу (арт. В. Русланов), чей «поучительный» рассказ о перипетиях собственной жизни оказывается не аналогией с драмой героини пьесы, а наоборот — своей плоской нравоучительностью резко контрастирует с нею.

Театр, вслед за драматургом, не склонен судить своих героев, делить их на правых и виноватых. Скорее, он стремится понять каждого из них, мотивы их действий. За этим стремлением стоит неподдельное сострадание к героям, и этот пафос сострадания, передающийся и аудитории, является, быть может, самым главным

достоинством увиденного спектакля.

Границы интимного, камерного мира, изображенного драматургом, достаточно узки, но за этими границами пульсирует Жизнь, так или иначе затрагивающая судьбы героев. Театр делает интересные попытки пробиться к этой Жизни, выявить ее воздействие на личные драмы. Ведь есть же, помимо «бремени страстей», и другие жизненные факторы, как бы ни были они редуцированы в сценической редакции переводчика. Это и упоминаемое несколько раз военное прошлое Фредди и его друга Джека (напомним, что пьеса Реттигана была написана в начале 1950-х годов), и художественное призвание Хестер, ищущей себя в живописи, и вполне конкретная трагедия побывавшего в тюремном заключении доктора Миллера — пожалуй, единственного персонажа в пьесе, всерьез задумывающегося над смыслом человеческого бытия...

Все эти ассоциации, упоминания интересны, но волею драматурга они носят лишь декоративный характер и ничего не определяют в происходящей на наших глазах психологической драме. Театр очень точно ощущает недостаток социально-жизненного материала, пытается расширить рамки изображенного мира, при этом добивается инте-

ресной акцентировки отдельных эпизодов, углубляет характеры персонажей второго ряда, но...

Но не будем упрекать постановщика и исполнителей в том, что им не удалось установить причинных связей между тем, что происходило в Англии и в целом мире, и тем, что случилось с жильцами дома миссис Элтон. Эти связи игнорируются драматургом Т. Реттиганом, а театру трудно, да скорее — невозможно сказать своим спектаклем более того, что заложено в тексте пьесы.

Что же касается камерной психологической драмы, она сыграна Московским областным театром драмы очень интересно, проникновенно, с тонким пониманием своих задач. Эмоциональная реакция зала в финале спектакля говорит сама за себя: зритель искренне взволнован премьерой наших гостей, рад встрече с ищущим творческим коллективом. И, пожалуй, не беда, а заслуга театра в том, если многие зрители, покидая зал, помышляют о встрече с иной психологической драматургией — драматургией большой идейной глубины и остросоциальной проблемности.

М. СОКОЛЯНСКИЙ,
доктор филологических наук.

На снимке М. Коновалова:
Хестер — арт. С. Пархомчик.